

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ

Художественные и публицистические
произведения

Покушение на школьные миражи Уроки достоинства

КНИГА 1

Образовательные
проекты

Художественные и публицистические
произведения в 2 книгах

Владимир Тендряков

**Покушение на школьные миражи.
Уроки достоинства. Книга 1**

«Образовательные проекты»

2020

УДК 373 + 821.161.1
ББК 74.2 + 84 (2Рос=Рус)

Тендряков В. Ф.

Покушение на школьные миражи. Уроки достоинства. Книга
1 / В. Ф. Тендряков — «Образовательные проекты»,
2020 — (Художественные и публицистические произведения в 2
книгах)

ISBN 978-5-98368-143-9

Замысел книги «Покушение на школьные миражи» направлен на воссоздание общей картины тех ключевых идей о школе, которые на протяжении своей жизни Владимир Фёдорович Тендряков тщательно формулировал, обдумывал, отстаивал, представлял читателям разных поколений. В книге воссоздаётся целостное высказывание Тендрякова об образовании человека не в контексте литературном, а в тесной связи с теми важнейшими исследованиями, замыслами и опытами, которые составили великую картину отечественных педагогических поисков и открытий второй половины XX века. Читатель увидит, что предлагаемые Тендряковым проекты и эскизы решений в большинстве своём остаются остроактуальными и для российской школы на пороге третьего десятилетия двадцать первого века. В первую книгу вошли повести «Шестьдесят свечей» и «Весенние перевёртыши», статьи «Ваш сын и наследство Коменского», «Литинститутский коридор», рассказы «Люди или нелюди» и «День седьмой», ряд писем и воспоминаний.

УДК 373 + 821.161.1
ББК 74.2 + 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-98368-143-9

© Гендряков В. Ф., 2020

© Образовательные проекты, 2020

Содержание

Покушение на школьные миражи. Уроки достоинства	8
Трудно быть человеком: педагогика достоинства Владимира Тендрякова	9
Часть I	12
Комментарии к I части	14
Ваш сын и наследство Коменского	17
Время школьника и проблемы общества	17
«Нельзя объять необъятное»	19
Изучение или знакомство?	20
Классная доска и киноэкран	21
Ещё раз – изучение или знакомство?	23
Цель найдена! Цели нет!	25
Коротко о спецшколах	26
«Люби труд»	27
Доход в роли педагога	29
Узкая специализация и широкий кругозор	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Тендряков

Покушение на школьные миражи. Уроки достоинства

Книга 1

В этот двухтомник собраны роман, две повести, четыре статьи, несколько рассказов и писем.

Но всё же перед вами не «сборник произведений на школьную тему», а опыт книги педагогической. Её замысел направлен на воссоздание общей картины тех ключевых идей о школе, которые на протяжении своей жизни Владимир Фёдорович Тендряков тщательно формулировал, обдумывал, отстаивал, представлял читателям разных поколений.

Мы стремились восстановить целостное высказывание Тендрякова об образовании человека не в контексте литературном, а в тесной связи с теми важнейшими исследованиями,

замыслами и опытами, которые составили великую картину отечественных педагогических поисков и открытий второй половины XX века.

Читатель увидит, как раскрываются перед ним неизбежные противоречия образования, и обнаружит, что предлагаемые Тендряковым проекты и эскизы решений в большинстве своём остаются остроактуальными и для российской школы на пороге третьего десятилетия двадцать первого века.

Мы надеемся, что сложное, драматичное полотно этой большой книги читатель воспримет не как воспоминание о детях и учителях прошедшего века, а как яркий и свежий повод для рождения новых взглядов на школу будущих десятилетий.

Редколлегия стенгазеты при Подосиновской средней школе. 1939 г. Владимир Тендряков – первый справа

Покушение на школьные миражи. Уроки достоинства

Мы надеемся, что сложное, драматичное полотно этой большой книги читатель воспримет не как воспоминание о детях и учителях прошедшего века, а как яркий и свежий повод для рождения новых взглядов на школу будущих десятилетий.

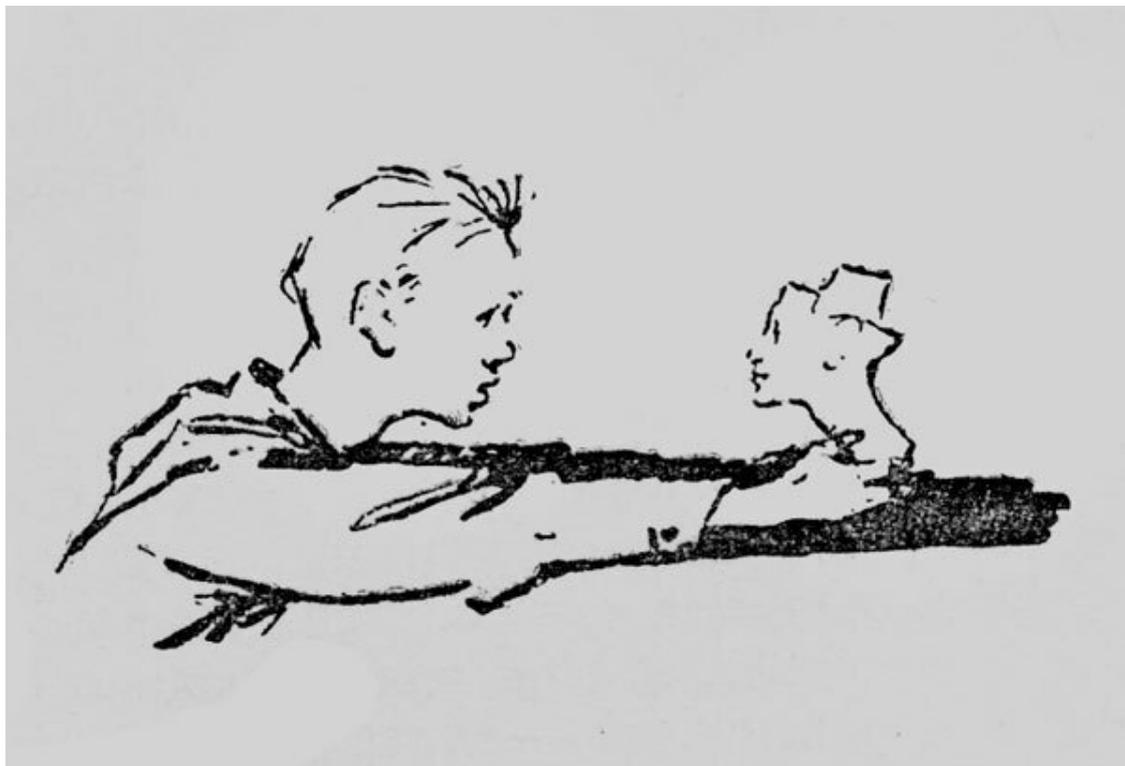

Рисунок В. Ф. Тендрякова. 1964 г.

Трудно быть человеком: педагогика достоинства Владимира Тендрякова Предисловие Александра Асмолова

Библией педагогики достоинства была и остаётся книга гуманиста, педагога, врача и писателя Януша Корчака «Как любить ребёнка». В 1966 году эта книга вдохновила писателя Владимира Тендрякова выступить с полемической статьёй «Ваш сын и наследство Коменского», которая, по сути, стала для меня прообразом манифеста «Педагогика достоинства».

Владимир Тендряков, который называл меня своим младшим братом, настойчиво повторял, что личность теряет своё достоинство, когда начинает жить по формуле конформизма «чего изволите». Многие его книги были посвящены школе и учителям: «За бегущим днем», «Весенние перевёртыши», «Шестьдесят свечей», «Ночь после выпуска». Но с особой остротой Владимир Тендряков ставил вопросы аксиоматики нравственности и достоинства в цикле произведений, которые мы в семье называли «История государства Советского»: «Охота», «Хлеб для собаки», «Параня», «Покушение на миражи» и – трагичная история расчеловечивания – «Люди-нелюди». Он учил меня педагогике достоинства своими произведениями и поступками. И если братья Стругацкие задавали свою аксиоматику нравственности символом «Трудно быть богом», то квинтэссенция школы достоинства Владимира Тендрякова может быть ёмко выражена метафорой: «Трудно быть человеком».

Позже я не раз проигрывал и находил для себя разные проекции этой метафоры в произведениях близких мне по духу мыслителей – Эриха Фромма («Бегство от свободы» и «Иметь или быть»), Виктора Франкла («Человек в поисках смысла»), Альбера Камю («Бунтующий человек») и, конечно, в поразительных гимнах человеческому достоинству Антуана де Сент-Экзюпери, Альберта Швейцера, Дмитрия Лихачёва, Андрея Сахарова, Булата Окуджавы, Александра Галича и Владимира Высоцкого. Возможно, для кого-то этот ряд имён апостолов педагогики достоинства покажется странным, но он отражает моё представление о тех, кто всей своей жизнью утверждал ценность каждого человека как неповторимой личности. Значительно позже горизонты, приоткрытые Владимиром Тендряковым, помогли мне постичь масштаб таких мастеров педагогики достоинства, как историк Михаил Гефтер, композитор Григорий Фрид (автор монооперы «Дневник Анны Франк») и Ролан Быков с его фильмами «Чучело» и «Айболит-66». Повторюсь, метафора «*трудно быть человеком*» как смысловой ценностный стержень педагогики достоинства зародилась в моём сознании благодаря тесному общению с Владимиром Тендряковым.

Второй кит мировоззренческой философии современного образования – это педагогика сотрудничества, рождение которой состоялось в первую очередь благодаря гражданскому героизму Симона Соловейчика, Владимира Матвеева и Шалвы Амонашвили. Совместно с замечательной плеядой педагогов-новаторов в 1986 году они создали манифест «Педагогика сотрудничества», определивший ценностный поворот от обезличенной педагогики серийного производства «среднего ученика» к педагогике свободной личности.

Иногда этот манифест называют по месту его появления на свет «Перedelкинским манифестом», акцентируя внимание на том, что он был создан в посёлке писателей под Москвой на даче Анатолия Рыбакова. Не удержусь от ассоциации и замечу, что диалоги с Владимиром Тендряковым, в которых оттачивался замысел педагогики достоинства, велись в посёлке писателей «Красная Пахра». Именно там произошла встреча с моим будущим учителем, классиком культурно-деятельностной психологии Алексеем Николаевичем Леонтьевым, которая изменила мою судьбу.

Случайно ли то, что культурная атмосфера писательских посёлков привела к кристаллизации идей педагогики достоинства, педагогики сотрудничества и культурно-исторической психологии свободного человека?

Не впадая в мистику, напомним лишь мудрые слова Павла Флоренского: *«Культура – это среда, растягивающая и питающая личность»*. В Пахре в беседах с Владимиром Тендряковым Алексей Леонтьев страстно говорил о том, что в основе кризиса образования лежит разрушающая человека опасность – опасность обнищания души при обогащении информацией.

Эти слова А. Н. Леонтьева – убийственная этическая диагностика тоталитарной педагогики – формовки и штамповки «сделанных голов». Он писал в своих заметках: *«Игровое освоение мира (!). Не убивать детское. Сделанная голова – голова потерянная!»*

Мысли А. Н. Леонтьева о рождении личности в потоке деятельности, идеи Л. С. Выготского о социальной ситуации развития как источнике развития личности, положение А. В. Запорожца о содействии как исходной единице становления личности ребёнка в процессе общения со значимыми взрослыми и сверстниками, представления Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова о важности нравственной децентрации ребёнка (т. е. его способности увидеть мир глазами другого человека) в ситуации выбора, о развивающем образовании – вот некоторые знаки «третьей» точки опоры.

Не буду особо оригинальным, когда ещё раз подчеркну, что философия современного образования, как и Земля в древних сказаниях, стоит на трёх китах: педагогике достоинства, педагогике сотрудничества и культурно-исторической психологии личности.

Речь транслируется словами, любовь – смыслами. Педагогика достоинства Владимира Тендрякова противоречива. Она и земна, и небесна; и реалистична, и утопически романтична. Но по своему искрящемуся личностно-смысловому потенциалу – безразмерно человечна. Именно ЧЕЛОВЕЧНА, не только гуманистична. Я бы рискнул назвать её нравственной вакциной против расчеловечивания, против превращения людей – в нелюди, в Нелюдь. Метаморфоза личности в Нелюдь – это путь к абсолютному злу.

Что такое абсолютное зло? – это безальтернативность существования, выжигание в самом зачатке даже тлеющего помысла о возможности выбора. Превратиться в нелюдь – это хуже смерти. Это означает СГИНУТЬ. Именно от этого экзистенциального и антропологического риска предостерегал и предостерегает нас каждым своим действием, каждым поступком, каждым своим произведением непокорный и неутомимый борец за человеческое в Человеке, страстный искатель истины, гражданский герой культуры достоинства писатель Владимир Тендряков. И по самому высокому счёту смею предположить, что для Владимира Тендрякова, как для Бориса Пастернака или Эмануила Казакевича, и – вдумайтесь в это сравнение, – Сократа – нравственная тема была всегда сильнее страха перед государством, в том числе и страха за свою собственную судьбу.

Именно поэтому раз за разом, без менторского пафоса Владимир Тендряков повторял, казалось бы, простое правило. О том, что личность теряет своё лицо, когда начинает жить за пределами человеческого достоинства по незамысловатому правилу «У2», встречающемуся во все времена: *«У2: Угадать – Угодить»*. От этого конформистского правила до благостного самооправдания: *«Я просто выполнял приказ»*, – до превращения в работника социальной индустрии расчеловечивания и кражи человеческого достоинства, до трагически безвозвратного испарения человеческого «Я» и мутации в морального монстра, занимающегося обыденным «трудом» в Освенциме и Гулаге, меньше, чем один шаг.

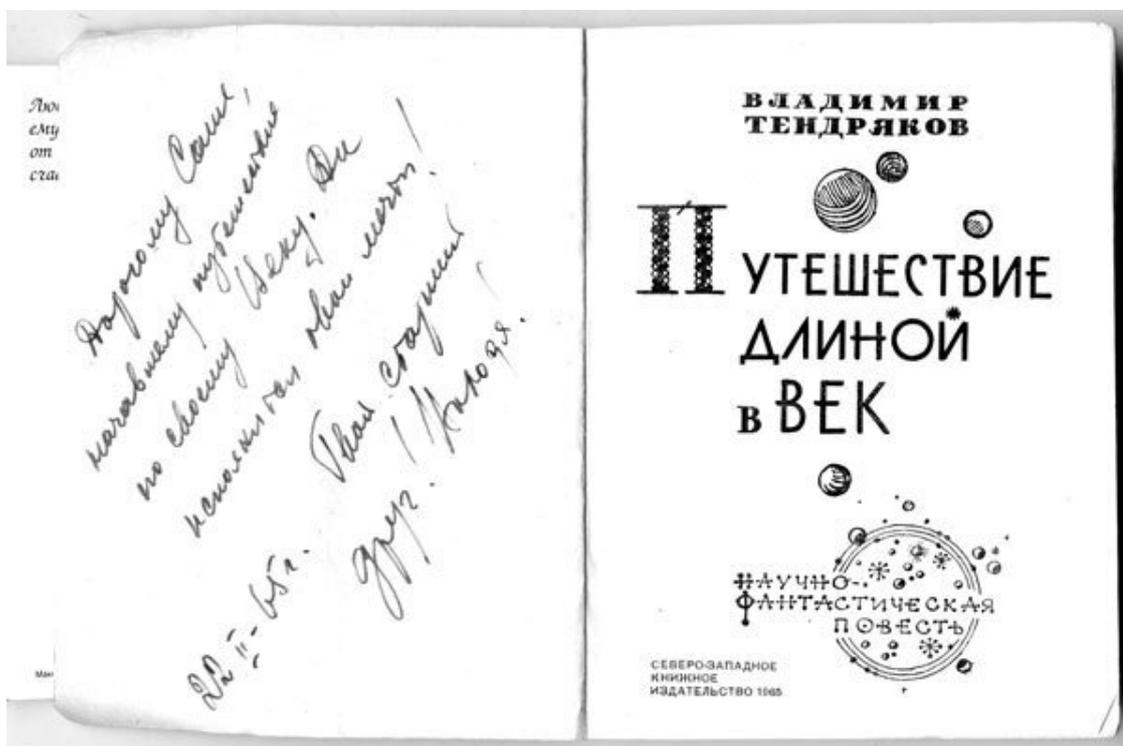
Жизненный путь личности – это история отклонённых и сотканных альтернатив и, повторюсь, на этом пути нет участи более трагичной, чем потеря человечности. Сможет ли стать нравственным оберегом от потери человеческого лица проповедуемая моим учителем Владимиром Тендряковым педагогика достоинства? Ответ на этот вопрос зависит от нравственного выбора каждого из нас.

Я думаю (и даже доподлинно знаю), что Владимир Тендряков не осудил бы меня за то, что для передачи самой сути и кредо педагогики достоинства в финале предисловия к этому изданию его трудов, подготовленному совместно с антропологом и психологом Марией Тендряковой, я приведу мудрые строки его духовного собрата Булата Окуджавы:

Совесь, Благородство и Достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрёшь, как человек.

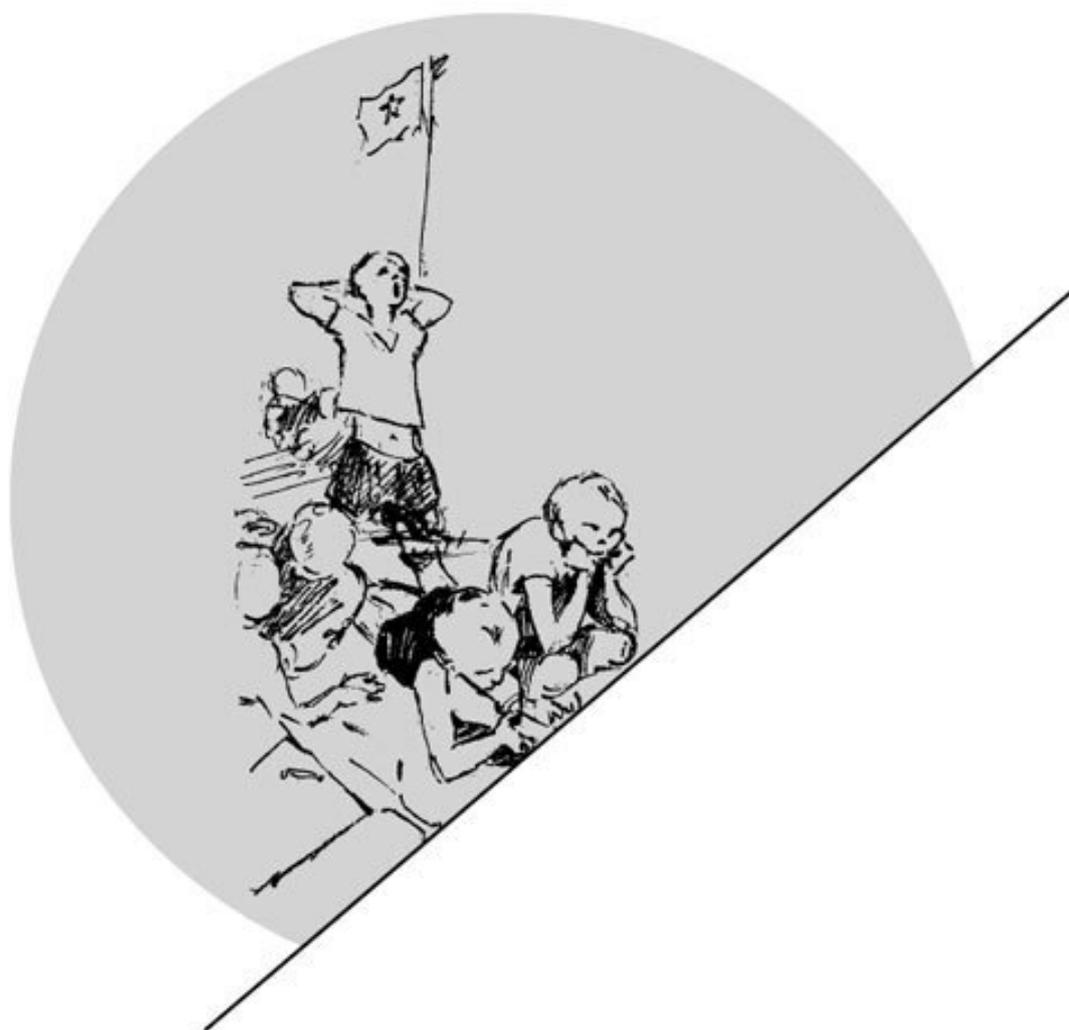
*директор Школы антропологии будущего РАНХиГС,
зав. кафедрой психологии личности МГУ, академик РАО
Александр Асмолов*

Дарственная надпись В. Ф. Тендрякова Александру Асмолову

Часть I

Комментарии к I части

«Это не теория, а гипотеза», – так определил Тендряков жанр своей программной статьи об образовании 1965 года. Гипотеза останется в силе и через двадцать лет – мы снова встретимся с её тезисами в итоговой лаконичной статье «Школа и самопознание», опубликованной незадолго до кончины.

В том последнем предперестроечном 1984 году Тендряков прямо называет главным критерием успеха школы способность вывести растущего человека на путь самопознания. Он размышляет об этом в «Учительской газете» таким обыденным тоном, будто говорит о чём-то само собой разумеющемся, а не о том, что вовсе чуждо кругу привычных задач советской школы.

Через год после кончины Владимира Фёдоровича общественный штиль сменится штормом. Неизбежность эпохи пересмотра оснований и порядков советского общества Тендряков предвидел и предрекал. Но насколько он страстно надеялся на эпоху перестройки, настолько же и опасался, что она рискует быть проигранной.

...Если статью «Ваш сын и наследство Коменского» можно считать «программой» Тендрякова, то неотправленное письмо Сахарову – характеристикой «метода».

В письме отчётливо выражен подход Тендрякова к общественным вопросам – в том числе и к школьным. Честность обличения и требовательность, «решительные заявления, опалённые жаждой справедливости» вызывают у него понимание и сочувствие, но не солидарность. Тендряков уверен, что наивное понимание болезни – недейственный способ лечения. Если заманчиво-благородные надежды ведут за собой «упрощённый и наивный подход к общественным проблемам», то им суждено быстро переродиться в устрашающую противоположность.

Когда мы убеждены, что стоит лишь подменить или подчинить своим мыслям начальство – и жизнь по мановению властной волшебной палочки сама пойдёт налаживаться – то мы на пути к верному поражению.

«Какие проблемы мы решаем, когда претендуем на общественные изменения? – размышляет Тендряков, – прежде всего, проблемы взаимоотношений людей друг с другом». И тогда главными инструментами перемен будут не приказы власти и не призывы моралистов, а осмысление человеческих отношений и закономерностей в них.

«...Не столь важно изобрести и построить сверхумные машины, не столь важно даже получить хлеб насущный, как добиться взаимопонимания человека человеком, соседа соседом, коллектива коллективом, страны страной, нации нацией. Будут люди жить в понимании и уважении друг к другу, будет у них и хлеб, и дерзкие космические завоевания, и наука станет им приносить великую пользу. Не будет этого, будет раздор и вражда, плохо станет жить на земле, даже наука повернётся против человека... Отсюда второе моё пожелание вам: желаю каждому понять товарища и быть поняту. Надеюсь, что в этом ваше поколение преуспеет больше, чем наше», – напишет Тендряков в письме школьникам из посёлка Подосиновец, где когда-то сам учился и был учителем.

Как можно, – восклицает он в письме Сахарову, – в уповании на глобальные общественные перемены обращаться «не к группе взаимосвязанных между собой людей – а к абстрактному, вырванному из своей среды индивидууму!» У Тендрякова словно стояли перед глазами картины будущего взлёта и краха перестройки:

«...Неорганизованное сборище людей не в состоянии наладить производство, признавать единые законы, в том числе и моральные, сильный

станет проявлять насилие над слабым, вооружённый над безоружным, разруха и голод охватят страну, понятия нравственности отойдут в область преданий...».

Если же корень общественных проблем – взаимоотношения людей, то наукой об этом оказывается не политика и не социология, а педагогика.

Но вот только сама педагогика у Тендрякова разговаривает прежде всего на языке этики.

...Если пересмотреть послевоенные и «оттепельные» фильмы о школе (тех лет, когда писались роман «За бегущим днём» и статья «Ваш сын и наследство Коменского»), мы увидим там учителей прекрасных или дурных, оказавшихся на своём месте или на чужом. Пожалуй, основной «дидактический» вывод даже из самых лучших фильмов эпохи: хорошо бы заменить в школе «неадекватных» педагогов на «правильных» – тогда и жизнь в школах станет бесконечно прекрасной.

Но Тендряков мало верит в замену «дурных» на «хороших». У него каждый человек – разный. С чертами и достойными, и сомнительными; с жизненными правилами, которые вызывают и уважение, и сомнение; и вольный, и невольный в своих решениях и поступках.

«Шестьдесят свечей» – книга о трагических противоречиях в торжественно-благополучной учительской биографии и в обычаях школы, «устроенной по всем правилам».

Николай Степанович Ечевин, образцовый учитель, гордость города, страница за страницей, шаг за шагом, оказывается почти разгромленным перед судом собственной совести.

Но Тендряков не разоблачениями увлечён; за образцовым учителем не скрывается тайный изувер, за порядками школы – особых жестокостей. Николай Ечевин – не злой, а сложный человек, и если чем-то он и выделяется особо – то как образец человека, которого всецело формировали время и обстоятельства.

Лишь после шестидесяти он вдруг сталкивается с необходимостью понять повороты своей судьбы, контексты профессии, последствия поступков.

Николай Степанович мучительно размышляет и лишь с трудом, гадательно, полуслучайно может разобраться, когда его действия и усилия ломали судьбу человека, а когда выправляли её.

Школьная биография вдруг предстаёт перед учителем в том свете самопознания, которого ему так долго удавалось избегать. Именно в том свете, который – по Тендрякову – должен освещать путь каждого юного человека во взрослую жизнь, становится сутью школьного дела.

Андрей Русаков

Фрагмент иллюстрации В. Ф. Тендрякова к роману «Свидание с Нефертити»

Ваш сын и наследство Коменского

К дискуссии о проблемах среднего образования

Не думаю, что будет открытием, если сообщу, что ваш подрастающий сын ведёт стихийную борьбу со школой. Жалобы на это слышатся со всех сторон.

На моих глазах растёт паренёк с традиционно кудлатой шевелюрой, с комплексом самолюбивых надежд – скорее выскочить из зелёного возраста, показать себя миру в делах и подвигах. Он учится в девятом классе.

У него каждый день шесть-семь уроков, два раза в неделю школа даёт ещё восьмой час, какие-то консультации плюс домашние задания – пять часов, итого, рабочий день моего знакомого – десять-двенадцать часов в сутки, тогда как его папа отработывает свои семь часов.

Однако мой девятиклассник хочет заниматься спортом, не считает нужным читать лишь книги, предписанные школьной программой, его интересуют и научная фантастика, и приключения, и Брем, и Сетон-Томпсон, и «Охотники за микробами»... Кроме того, он мечтает заниматься в биологическом кружке. Его желания никто не осуждает, напротив, они удостоиваются похвалы – занимайся, читай, расширяй свой кругозор! И он поступает в секцию вольной борьбы, записывается в кружок биологов, проводит часы за книгой о гигантских кальмарах, которые никак не вмещаются в школьную программу...

А это не что иное, как выпад против школы, и школа на выпад отвечает выпадом: по алгебре, по геометрии появляются «двойки», нависает угроза остаться на второй учебный год, от учителей – поправки и проработки, в семье – трагедия. И вольная борьба заброшена, и кружок биологии забыт, и книги о неведомых зверях и заманчивых путешествиях вновь отменены учебником алгебры... Но проходит время, утихают страсти, и деятельная натура требует увлечений, выпад против школы повторяется. На выпад школа отвечает выпадом. Идёт борьба...

Время школьника и проблемы общества

Как-то я спросил одного педагога:

– Почему у нашего ученика такая перегрузка?

– Потому, что он живёт в двадцатом веке, – ответил педагог.

– Как так?

– Очень просто. Когда-то Коменский говорил, что человек должен «знать, уметь называть и понимать всё, что имеет в себе целый мир». Но Коменский жил триста лет тому назад, и его мир по сравнению с нашим был куда скромнее по масштабам.

И на самом деле, во времена Коменского не надо было изучать химию и биологию по той простой причине, что их не существовало, физика была в младенческом состоянии, бином Ньютона, который сейчас известен любому старшекласснику, тогда был высшим достижением, уделом немногих; история, литература, искусство – что ни возьми, всё выглядело неизмеримо скромнее. За триста лет духовный мир человечества вырос до необъятных размеров, а сама человеческая жизнь осталась прежней, по-прежнему в сутках – двадцать четыре часа, ценность времени возросла, его не хватает.

Не будем останавливаться на том, что стало притчей во языцех – мол, в наших школах не всегда по-хозяйски распоряжаются остродефицитным временем, пускают его по ветру. Неуклюжие учебные программы, предлагающие для изучения необязательный, а подчас совсем ненужный материал. Недостаточная насыщенность уроков... Я, например, весьма грубо и приблизительно подсчитал, что мой знакомый девятиклассник проприсутствовал на опросах своих товарищей более трёхсот часов, то есть около сорока трёх семичасовых рабочих дней, полтора

рабочих месяца. Как бы меня ни уверяли, что это время не потерянное, что мой знакомый, слушая своих товарищей, закрепляет, усваивает пройденный материал, я не могу согласиться – слишком пассивен такой метод усвоения, его, так сказать, коэффициент полезного действия равен нулю.

Потери самой большой – не восстановимой ценности – времени – существуют, это признано, об этом говорят. Но мне бы хотелось проследить, когда неудачное использование времени школьника перерастает в угрожающую общественную опасность.

Начнём с того, что время времени – рознь.

Час жизни Гоголя и час жизни человека типа миргородского обывателя Ивана Ивановича не равноценны. Гоголь за этот час мог написать полстраницы, пусть даже одну вдохновенную строчку, которая наряду с другими войдёт на века в сокровищницу мировой культуры, тогда как Иван Иванович за свой час в лучшем случае съедал дыню, записав для памяти на бумажке время этого «исторического» события. Для общества особую ценность представляет время, принадлежащее наиболее способным людям.

А на уроке в нашей школе происходит систематическое обкрадывание именно наиболее способных.

Педагог приступает к изложению нового материала. Перед ним сидят тридцать-сорок учеников, все они не однородны по способностям. Задача учителя – добиться, чтобы материал усвоили все. Он не может ориентироваться на самых способных, которые «схватывают на лету»; остальные не поймут, не усвоят, не будут знать. Учитель не ориентируется и на самых неспособных, потому что опять же весь остальной класс, уже усвоивший всё, станет непродуктивно тратить время, обучение пойдёт черепашьим шагом, школьные программы придётся растянуть на десятилетия. Учитель держит курс на среднего ученика. А наиболее способные, талантливые вынуждены подстраиваться под «среднячка», они не имеют возможности быстрее усваивать материал, их развитие тормозится.

Я учился в десятилетке с некоей Лидией Шагаровой, которая блестяще окончила физико-математический факультет Томского университета, сразу же после этого стала преподавателем в том же университете, получила учёную степень кандидата, сейчас, по всей вероятности, уже доктор. Я же в математике был тугодум, если и добивался «пятёрок», то только мозолями на заднем месте, теперь давно все математические премудрости начисто забыл, не решу уравнение с одним неизвестным. Но вот парадокс – по окончании десятилетки знания по математике как у Шагаровой, так и у меня были почти одинаковы. Я ведь тоже знал программу, получил на экзамене «пятёрки». Почему она, неизмеримо меня способнее, знала столько же? Да потому, что учитель и школьная программа ориентировались на меня, быть может, даже на более «тугих» в математике, и мы, «среднячки», тормозили Шагарову, отнимали у неё время.

Школа, сама того не желая, благосклонна к посредственности и обижает способных.

Школа не отдаёт предпочтения какому-то одному предмету. Она твёрдо стоит на том, что ученик в равной степени должен знать всё: характеристику хордовых, крестьянские возмущения времён царя Алексея Михайловича, творчество Маяковского, вычисление объёма усечённой пирамиды... В равной степени всё!

На свете не может быть двух совершенно одинаковых по духовному складу людей – истина, не блистающая новизной. Если в классе сидит тридцать-сорок человек, то все они отличаются друг от друга уже по своей природе. Я, например, не способен к математике, мой ум теряется, когда отрывается от зримых вещей. Недостаток? Может быть, но врождённый. Презирать меня за это так же несправедливо, как и презирать за то, что я не родился с физическими задатками Юрия Власова. Итак, математика для меня чужда, трудна, плохо поддаётся усвоению. А, скажем, историю люблю, знания по ней даются без напряжения, легко, победно. Но знай всё в равной степени, одинаково – таков закон школы. Трудна геометрия – уделяй ей

больше сил и времени. Больше времени – нелюбимому предмету, меньше – любимому. Знай всё, раскрывая секреты усечённой пирамиды без души, без любви, голой усидчивостью.

Больше времени – нелюбимому, меньше – любимому. Убивается в зародыше увлечение. И тут-то проблема времени перерастает в проблему творческого становления человека.

Нельзя стать творческой личностью, не пережив увлечения. Только увлечение, которое перерастает в страсть на всю жизнь, страсть, подчиняющую все другие желания и все силы, делает человека целенаправленным, толкает на поиски, заставляет творить. Разумеется, не каждое увлечение перерастает в творчество, но творчества без увлечения не бывает. А школа упрямо заставляет: знай всё в одинаковой мере, преодолевай свои пристрастия и интересы. Не потому ли выходят из школы люди без определённых желаний, без определённой цели, не зная, куда приложить свои силы и знания? Они бросаются на первую попавшуюся профессию, поступают в первый подвернувшийся институт (в тот, куда легче попасть), тянут ляжку нелюбимого дела, живут без страсти, без интересов, бесцветно, серо.

Труженик, работающий без интереса, без души, ради рублишка – плохой работник. А если такие работники – массовое явление, то результат – общее снижение производительности труда, экономическое отставание в стране. Если рабочий без любви и заботы относится к своему станку, крестьянин – к земле, руководитель – к людям, то нечего и говорить о нормальном развитии общества, охваченном бездушием и казёнщиной.

И ещё немаловажная опасность. Государство стремится к тому, чтобы сократить рабочий день, предоставить личности больше свободного времени. Свободное время – а что с ним делать человеку, у которого с детства убиты увлечения, который не знает, чего хочет, что ему интересно? Хорошо, если рука потянется к развлекательной книжонке, хуже – забивание «козла» во дворе, ещё хуже – пьянство и дебоши. Не исключено, что такие люди могут пополнить ряды преступных элементов. Коммунизм предусматривает наличие значительного свободного времени у человека, но если человек не сможет с рассудком пользоваться им, нельзя мечтать о коммунизме.

Люди с неразвившимися в детстве духовными интересами – социально опасное явление. Вывод, выходящий за рамки школьного воспитания, но вспомним, что мы начинали с того, что школа неразумно распоряжается временем. Проблема школьного времени – общественная проблема!

«Нельзя объять необъятное»

Можно подумать – вся беда в том, что в школах, мол, работают бездарные учителя, а в министерствах просвещения сидят бездарные руководители. Наверно, и в школах, и над школами есть бездарные, как есть и талантливые.

Причины не в бездарности работников школьного воспитания. Причина в структуре, в самом устройстве, которое заставляет школьных работников действовать по-своему. Наша школьная система, мягко выражаясь, не совершенна.

Мы сказали «наша», но это не совсем так. Во всех школах мира – порой с частичными отклонениями и неординарными нововведениями – обучают сейчас по так называемой классно-урочной системе, которую впервые предложил великий педагог, мыслитель и гуманист Ян Амос Коменский, тот самый, который гордо заявил: человек должен «знать, уметь называть и понимать всё, что имеет в себе целый мир».

До Коменского не было распределения на классы, не было определённых программ, предусмотренных для каждого года, месяца, дня, даже часа. Прежде наставник собирал вокруг себя всех учеников скопом, не подразделяя их ни по возрасту, ни по багажу знаний, учил как бог на душу положит, не брезгуя при этом действовать и розгами. Школа с её берёзовой кашей была местом мучений. Гуманный и организованный метод Коменского был великим шагом

вперёд. Недаром же Коменского долгое время называли «отцом новой педагогики». Мы и сейчас готовы назвать его «отцом», только смущает, что его педагогика для нас не очень нова, ей отроду триста лет! «Знать... всё, что имеет в себе целый мир». Мы сейчас на этот девиз можем только развести руками и ответить словами Козьмы Пруткина: «Нельзя объять необъятное».

Знать всё в наш век просто нельзя, и школа не пытается справиться с этой фантастической задачей, но, тем не менее, – вот парадокс – придерживается принципа: знай всё в одинаковой мере, не считаясь с интересами, увлечениями ученика. Отсюда противоречия между обучением и творческим развитием.

И это в той или иной мере характерно для всех стран мира. И чем эти страны развитее в культурном отношении, тем болезненнее для них проблемы школьного воспитания. Страны отсталые, где только ещё приобщаются к сокровищам культуры и науки, не так остро чувствуют необходимость перемен в преподавании, они пока что могут удовлетвориться и старыми методами.

И если мы сейчас говорим о несовершенстве нашей школьной системы, то это вовсе не признак нашей слабости, наоборот – признак нашего духовного развития, признак силы! Тот, кто из ложного страха – как бы о нас плохо не подумали, как бы не уронить наш престиж! – станет упорно твердить, что наше народное образование без изъяна, оно вне подозрений, совершит преступление перед обществом. Рано или поздно мы придём к выводу, что нельзя выправить положение одними лишь частными административными мерами, как-то: десятилетку перекроить в одиннадцатилетку, механически приклеить политехническое обучение и прочее. Рано или поздно жизнь заставит пойти на революционную перестройку нашего просвещения. И нужно ли доказывать, что чем раньше это случится – тем лучше, чем позже – тем больше шансов оказаться в хвосте у времени. Вопрос о воспитании нового поколения – вопрос нашего будущего! Откладывать его решение в долгий ящик – значит задерживать развитие нашего общества.

Изучение или знакомство?

Итак, знать всё в наш век просто нельзя. Мы в лучшем случае можем рассчитывать на то, что наш образованный человек будет иметь какое-то весьма и весьма общее представление о мире в целом и станет знатоком в одной области, которая больше всего ему нравится, отвечает его природным способностям, в обиходе называется специальностью.

Часто можно услышать вопрос, с лёгкостью обращённый к ребёнку: «А ну, скажи, что больше всего тебя интересует? Кем бы ты хотел быть?» Вопрос прямой и простой, на него, казалось бы, может быть такой же простой и прямой, без обиняков, ответ. Но как часто задающие этот вопрос взрослые дяди сами не знают, что им больше всего нравится в жизни.

Что больше всего нравится, что тебя увлекает – часть одного из самых трудных и сложных вопросов, с которым постоянно сталкивается человек: что ты такое? Не даром же самопознание у таких выдающихся людей, как Лев Толстой, занимало всю жизнь, выросло в мучительную трагедию.

Сделать выбор... Наверное, вся учёба ребёнка должна сводиться к этому – как выбрать дело всей жизни. То дело, к которому больше всего предрасположены его природные способности, то дело, которое из увлечения может перерасти в страсть, то дело, которым он станет полезен обществу – профессия, специальность!

Современная школа считает, что если ты будешь изучать всё с одинаковой добросовестностью, то в конце концов, наткнёшься на то, что тебе по душе.

Изучай всё!.. Школьник неизвестно кем ещё будет – астрономом или шофёром, биологом или металлургом, историком или делопроизводителем. Ему предлагают материал – скажем, Куликовская битва. Астроном и шофёр, биолог и металлург, человек любой профессии должен

иметь какие-то общие сведения об этом событии, хотя бы знать, «где оно лежит». Но скажите мне, взрослый читатель, астроном или шофёр, биолог или инженер-строитель, в каком году была Куликовская битва? Я специально опросил около пятидесяти своих знакомых, не имеющих прямого отношения к предмету истории, из них только один мне ответил. Причём, этот человек с некоторым виноватым смущением говорил о своей памяти: «Что грязная дорога: кто ни пройдёт – галошу оставит». Все они в своё время учили про Куликовскую битву, помнили год, помнили, да забыли, потому что память человека имеет счастливую особенность забывать то, с чем не приходится часто сталкиваться. Забыл и я, хотя историю люблю, книги про историю читаю. Время с одинаковой лёгкостью стирает как обильные, так и скудные знания, если они не прочно усвоены или если ими не приходится воспользоваться.

Доскональное преподавание, обрушивание мелких подробностей на неподготовленного человека не нужно и даже вредно. За обилием деталей может пропасть представление о целом, ученик не поймёт «вкуса» предмета и, разумеется, не сможет им увлечься. Значит, задача школы – помочь ученику найти своё пристрастие – не будет выполнена.

Преподавай обильнее – что-то останется! Это всё равно, что стрелять по цели с завязанными глазами – выпускай как можно больше пуль, глядишь, одна из них и попадёт в яблочко.

Идёт неразумная трата невозполнимых ценностей – времени и сил ученика. Расчёт на авось! Любой инженер-конструктор был бы посрамлён, если бы осмелился предложить проект машины, основанный на столь расплывчатом расчёте. В технике (да и только ли в технике!) подобное невозможно, а в педагогике – нормальное явление.

Говорят: «Из-за деревьев леса не видно». Школьные педагоги сразу же окунули меня в математические дебри, сначала заставив вызубрить таблицу умножения, потом перешли к дробям, к алгебраическим формулам, к логарифмам... На всём протяжении я видел только математические «деревья» и не получил представления о красоте и величии возделанного человеком сада – математики. Этим у меня отнимались удивление перед ним и любовь к нему.

Мы часто употребляем слова «ключевые позиции». А в плане обучения не является ли удивление и зарождающаяся отсюда любовь тем самым исходным положением, тем волшебным ключом, которым открываются сокровищницы наук? Наверно, нужно знакомить с той или иной наукой, чтобы дать в руки этот ключ.

Не случайная обмолвка – знакомить. Термину «изучение», каким мы до сих пор пользовались, противопоставляется термин «знакомство». Слова близкие, но каждому не трудно уловить в них разницу.

Напрашивается практический вывод: ребёнок должен не сразу приступить к изучению наук, а к знакомству с ними. Не изучение, а знакомство, не скрупулёзное требование – усваивай знания все по порядку, а показ, так сказать, «товара лицом» – взглядишь, ознакомишься, выбери то, что тебя интересует, к чему больше всего тебя тянет. И это поможет ребёнку как-то определить себя. Как-то, приблизительно, наверняка не точно, потому что ответить на вопрос – что ты из себя представляешь? – не так-то просто. Угадать своё призвание сразу, с детства – редчайший случай.

Классная доска и киноэкран

Как бы ученику ни нравился предмет, каким бы он ни казался скучным, но если заставлять изучать, – всегда можно добиться, что ученик будет знать его. Изучение, что-то теряя, может проходить и без увлекательного преподавания, как это, впрочем, часто и бывает.

Ну, а знакомство, которое ставит целью показать «товар лицом»? Сухое, скучное знакомство отпугнёт ученика, вызовет неприязнь к предмету; то есть приведёт к прямо противоположным результатам. Увлекательность становится непременным условием обучения.

Ставка на увлекательность! Не слишком ли утопично? Это значит, что все без исключения учителя должны обладать талантом образного, интересного, – не побоимся этого слова – поэтического изложения материала. Рассчитывать, что миллионные армии учителей будут талантливы, – беспочвенная маниловщина. Нельзя фундамент целой системы строить из личных качеств тех или иных людей. Рано или поздно эти качества могут оказаться не на высоте, и тогда всё выстроенное здание рухнет.

Но я и не собираюсь рассчитывать целиком и полностью на личные качества каждого в отдельности взятого учителя. Более того, считаю, что сейчас, при существующей системе обучения, от личных качеств учителя зависит неправомерно много. Ученик попадает к талантливому учителю – повезло, будет знать; попадает к бездарному – не повезло, грозит опасность выйти из школы неучем. В этом есть какой-то обидный элемент случайности.

Сейчас мы механизуем труд не только землекопа, шахтёра, лесоруба, но и труд лингвиста, филолога, конструктора. И только у нашего школьного учителя, как и сто, и двести лет назад, на вооружении всё та же классная доска, кусок мела и мокрая тряпка. Наша семья из четырёх-пяти человек в состоянии приобрести телевизор, а школа для тридцати-сорока человек не может поставить в классе узкоплёночный проекционный киноаппарат, который стоит дешевле телевизора.

Пришло время призвать в стены школы технику! Экран для показа учебных кинофильмов должен стать таким же привычным атрибутом в классе, как и классная доска, а производство фильмов для школьного обучения необходимо наладить так же, как налажено издание учебников.

Техникой спасти просвещение! Многие улыбнутся при этом. Но техника давным-давно стала могучим пособником в получении знаний – и не для несведущих учеников, а для осведомлённейших и привередливых учёных. Галилей открыл горы на Луне и четыре спутника Юпитера с помощью подзорной трубы. Левенгук сообщил миру о микроорганизмах с помощью микроскопа, а это была хоть и примитивная, но техника. Без новой совершенной техники не были бы раскрыты секреты атомного ядра, не были бы познаны тайны Вселенной, технически оснащённые спутники приносят всё новые и новые сведения из космоса. И чем дальше, тем больше человек в просвещении самого себя станет рассчитывать на технику. Пренебрежительно относиться к ней в области школьного воспитания – значит становиться в позицию ничем не оправданного рутинёрства.

Впрочем, техника уже начинает входить в обиход школ и институтов как у нас, так и за границей. В МЭИ студенты сдают зачёт машинам. Идут поиски и разработки разного рода обучающих машин, начиная от «приспособления, едва ли не более хитрого, чем обычный учебник, до сложного механического и даже электронного репетитора» («Курьер ЮНЕСКО», март 1965 г.). Но поиск ведётся главным образом в направлении, как помочь изучению материала. Нас же в данном случае интересует не столько углублённое, подробное изучение, сколько широкое знакомство. И это упрощает задачу – нет нужды изобретать специальные технические новшества, можно пользоваться той техникой, которая давно уже широко вошла в нашу жизнь. Кино, телевидение, магнитная запись ежедневно знакомят миллионы зрителей и слушателей с научными открытиями и произведениями искусства. Кинофильм не в состоянии заставить изучать предмет, как может заставить живой учитель. Но там, где обучение ограничивается общим знакомством, показом «товара лицом», кинофильм справляется лучше рядового учителя, и не только потому, что он сопровождает свой рассказ показом, воздействует не на одну слуховую память, но и на зрительную, а главное – потому, что в фильме материал будет преподносить не некий средний учитель, а лучший в стране мастер этого дела. Проблема случайности – попадает ли ученик под влияние преподавательского таланта или преподавательской бездари – если не полностью, то частично снимается.

Увлекательность – неперенное условие. Непременное! И тут, с появлением техники, приобретает огромное, неоценимое значение искусство.

Утверждают: искусство – особая форма общения. Особая, необычная, наиболее действенная! Самый подробный научный трактат не научит любить природу, как это может сделать картина Левитана. Сухая моральная сентенция, вроде «Возлюби ближнего своего», не способна вызвать такое искреннее участие к человеку, какое вызывают рассказы Чехова и Гоголя. Далёк от нас, жалок и даже ничтожен Акакий Акакиевич, герой «Шинели», но многие поколения переживают бурное сострадание к нему. Нет ничего более действенного, чем язык искусства, и им необходимо пользоваться при обучении. Это не значит, что для знакомства с математикой, физикой, историей нужно непременно создавать шедевры, привлекать корифеев по уровню не ниже Чехова или Гоголя, – вполне достаточно, если о Лермонтове в школе будет рассказывать Ираклий Андроников, который умеет удерживать в напряжённом внимании многомиллионную армию телезрителей.

Увлекательность – неперенное условие. Раз так, то внедрением одной техники не обойтись. Голая техника без преподавательского искусства, призвавшего на помощь мастерство литераторов, художников, актёров, просто беспомощна.

В настоящее время талантливость преподавания никак не поддаётся организации. Министерство образования не в силах потребовать от преподавателя более живого, образного изложения, как ни жми на него, как ни прорабатывай, а выше собственного уровня педагог не прыгнет. Но за бездарный фильм можно спросить с соответствующих организаций – почему не подыскали талантливых людей? Нет талантов? Неправда! В стране всегда есть таланты. Таким образом, увлекательность обучения может поддаться организации, на неё можно рассчитывать.

Может, можно... Конечно, не обойтись без оговорки, что при некоторой неуклюжести в организации увлекательность преподавания будет существенно страдать, будут выпускаться из рук вон плохие, скучные учебные фильмы, как нынче выпускаются плохие художественные фильмы, как выпускаются недоброкачественные учебники. Но мы ведём речь о принципиальной возможности. Она – реальность, а не утопия.

Ещё раз – изучение или знакомство?

Можно ли обойтись одним общим знакомством? Если мы хотим, чтобы каждый ученик знал иностранный язык, то мы не должны ограничиваться знакомством с этим языком, придётся требовать изучения, усваивания, запоминания. Кроме того, нельзя приступать к знакомству, будучи совсем неподготовленным. Каждый ребёнок должен уметь читать и правильно писать, знать арифметику, только после этого он может знакомиться с физикой, математикой, историей, литературой и пр. и пр.

Ага, всё-таки изучение нужно?

Да, конечно.

Но не значит ли это, что мы противоречим сами себе, не сводятся ли на нет все наши требования знакомства вместо изучения?

Изучение или знакомство? Или то, или другое? Почему так категорично? Даже в самой природе ничто не бывает в абсолютно чистом виде, в этом её сложность и многообразие.

Мы не построим новое общество, не взяв на вооружение что-то из старого, что-то такое насущно нужное, что станет равноправной частью нашей новой структуры. Или то, или другое – категоричность, говорящая лишь об ограниченности.

Мы стоим перед фактом: невозможно одинаково хорошо знать всё, ученик должен выбирать, что больше всего его увлекает, для этого необходимо широкое знакомство.

Знакомство становится насыщенной частью всего школьного обучения, быть может, самой существенной частью на этом этапе, но оно никак не исключает изучения в тех случаях, где оно нужно, где невозможно обойтись знакомством.

А как практически совместить знакомство и изучение, как сделать так, чтобы они были едины, помогали друг другу, представляли из себя стройную систему – я сейчас говорить не решаюсь, как не решаюсь и советовать, насколько практически приемлемы окажутся будущие технические нововведения. На всё это ответ дадут методисты, педагоги-экспериментаторы, те практики, кому придётся заниматься переустройством школы. Говоря образно, они должны провести сложную инженерно-техническую работу.

А я сейчас перехожу к тому моменту, когда ученик после какого-то времени, в основном отданного общему знакомству с науками, делает свой выбор. «Увлекает такой-то предмет, тому-то хочу уделить больше сил, внимания и времени».

И вот тут-то изучение выступает в новом виде, становится на первое место.

В школе существуют особые группы, назовём их условно специализированными. Группы по изучению (уже по изучению, а не по знакомству) всех наук, предусмотренных программой: математики, физики, биологии, химии, истории и др. Каждый ученик по своему влечению волен выбирать для себя любую группу, воспитатель обязан помочь ему в этом, но ни в коем случае не должен навязывать свою волю. Изучение в специализированной группе требует какой-то, пусть минимальной, подготовки в выбранном предмете, каких-то конкретных знаний, основанных на интересах, на увлечениях, поэтому не лишне сопровождать приём в группу несложным экзаменом.

Увлечение не приходит по заранее составленному расписанию, не во всём согласуется со школьной программой.

Нельзя установить, к примеру, что до четвёртого года обучения всякие увлечения не допускаются, после четвёртого-пятого они обязательны. Разве не может случиться такое удивительное явление, что ребёнок ещё в семье, до школы, проявит феноменальные способности к математике? Перед ним просто не встанет вопрос, чем заниматься в будущем, к чему его влечёт; в то же время другой ощутит влечение к математике только после пяти лет учёбы в школе. Могут ли они войти в одну группу, специализирующуюся на математике: один – по теперешнему счёту – первоклассник или второклассник, другой – ученик пятого или шестого класса? Почему бы и нет, если у них одно и то же влечение.

Раз ученик поступает по влечению, по желанию, значит можно рассчитывать, что он с желанием и будет заниматься, значит можно сделать упор на самостоятельное изучение под контролем педагога. Даже если ты малыш, чей школьный стаж равняется одному, двум годам, а тебе от роду семь, восемь лет, занимайся самостоятельно. Но при этом учитывается, что ты исключительно редкое явление, ты не заурядный ребёнок, а феномен, иначе так скоро не нашёл бы своего призвания. Дети с нормальным развитием почувствуют влечение немного позднее, ну, а если им по-детски просто покажется, что они испытывают это влечение, – воспитатель и экзамены для поступления в группу откроют им глаза на их заблуждение.

Всё строится на одном: считаешь данный предмет интересным, желаешь его изучать – изволь реализовать своё желание, приучайся заниматься самостоятельно. Для этого тебе созданы все возможности – есть определённые программы, своего рода руководство для учителя-консультанта, учителя-руководителя; есть опытный контролёр в лице этого руководителя; есть фильмы, рассчитанные уже не на обзор, а открывающие частности, углубляющие материал; есть учебники; не исключено, что будут существовать и запрограммированные обучающие машины, пусть даже простые и дешёвые – в виде настольной игры.

Мы уже говорили, что в современной школе педагог, ведущий урок, вынужден держать курс на «среднячка», что тормозит развитие способных. В специализированной группе не бывает уроков как таковых, учитель проводит лишь индивидуальные консультации и индиви-

дуальные проверки, тем самым, изучая каждого ученика. Ты можешь обогнать товарищей, не причинив этим никому вреда, а если ты станешь отставать – опять же никого не удержишь, не украдёшь рабочее время. Твоё отставание – лишь твоя личная беда. И, конечно, маленький феномен и «нормальный» любитель математики пойдут каждый своим путём.

При этом они одновременно будут обогащаться и общеобразовательными знаниями. Маленький феномен – во всём остальном, кроме математики, несколько не развитее нормального ребёнка – будет смотреть фильмы вместе со своими сверстниками, учиться грамматике, а более взрослый его коллега – со своим. Школа как бы утратит резко выраженные классы и отойдёт от урочной системы.

Цель найдена! Цели нет!

Выбор сделан. Но это вовсе не значит, что жребий брошен, рубикон перейдён!

Маловероятно, чтоб ученик без ошибки выбрал сразу то, что будет его интересовать всю жизнь, станет в будущем его профессией. Вундеркинды не норма, а, скорее, довольно редкое явление. Вспомним, что большинство из нас не сразу нашло своё призвание. Поэтому право ученика – в любое время оставить свою специализированную группу, поступить в другую, пройдя опять несложную проверку. Сменить в школе несколько групп – менее безболезненно, чем в будущем метаться из одного института в другой.

Сам принцип самостоятельной работы – неумолимый контролёр. Если ты не сможешь заниматься самостоятельно, значит, не так уж велико твоё увлечение, произошла ошибка, ищи другое, – то, что больше по душе, – ищи, но помни, что можешь и не оседлать в школе своего конька. Это минус, лучше бы со школьной скамьи почувствовать заветную цель жизни, но такого может и не случиться.

Можно заранее предвидеть – не единицы, а многие будут бросаться из одной группы в другую, сталкиваясь с самостоятельной работой, по-детски станут лениться по той причине, что выбранный предмет не захватил до самозабвения. Выбор вольный, всё основано на желании, никто из учителей не станет заставлять ученика силой изучать то, что ему не нравится. Никаких дисциплинарных взысканий, никаких отметок о прилежании, никаких непреложных требований – выполняй, мол, от сих до сих, иначе быть тебе второгодником. Само понятие второгодничества отомрёт. Не хочешь учиться самостоятельно – воля твоя, выйдешь из школы с багажом общих знаний, основанных на обзорном знакомстве.

Можно с уверенностью сказать, что людей с какой-то одной гипертрофированной способностью куда меньше, чем разносторонне способных. И вот такие-то разносторонние, отнюдь не ограниченные, духовно не обеднённые люди вполне могут разбросаться и после школы не знать, куда направить свои стопы. А между тем школа не зажимала их способностей, они занимались тем, что их интересовало, занимались увлечённо, с душой, среди них наверняка будут встречаться по-своему талантливые.

Предчувствую панические возражения: «Ужасно! Выпускаются люди с поверхностными знаниями, основанными не на изучении, а на легковесном знакомстве. Один-два способных найдут своё призвание, а десятки, даже сотни учеников выйдут верхоглядами. Не слишком ли дорога цена?»

Нет, не большими верхоглядами, чем выходит обычный ученик после окончания современной восьмилетней школы. Он изучал и формулы, и даты исторических событий, но, выйдя из школы, став шофёром или трактористом, делопроизводителем в какой-либо конторе или учётчиком на заводе, забудет в скором времени и эти формулы, и эти даты, как я в своё время забыл год Куликовской битвы и последовательное доказательство теоремы Пифагора. Забудет, если не станет дальше учиться, укреплять свои знания новыми. У него останутся только общие представления о пройденных науках. Только у нашего ученика эти общие представления ока-

жуются, по всей вероятности, более цельными, более яркими, более широкими. Наш ученик воспринимал общие знания через образное, увлекательное изложение, не замусоривал целостность картины подробностями, которым суждена короткая жизнь. А так как на зазубривание этих подробностей у него не уходило время, то была возможность получить более широкий обзор. К тому же наш ученик испытывал свои силы в разных специальных группах, что-то изучал – и изучал, возможно, с детским горячим желанием до тех пор, пока желание не остыло, – а это тоже отложилось в душе, стало его багажом. Поэтому навряд ли даже не нашедшие своего пристрастия ученики новых школ окажутся духовно беднее нынешних выпускников неполных средних. Есть все основания считать, что они будут богаче.

Но деятельность каждого учителя направлена на то, чтобы помочь ученику найти своё пристрастие, приобрести свою цель.

Учитель становится не столько глашатаем знаний, сколько учёным-исследователем и воспитателем в одном лице. Он изучает детей изо дня в день, какие и в какой степени интересы охватывают каждого из них. Тут он учёный. Но он не ограничивается одним лишь беспристрастным изучением. Поведение ребёнка во многом стихийно, неизбежны метания, необдуманные порывы, переоценка сил, или, наоборот, упадок сил от временных неудач. Обязанность учителя как-то регулировать эту стихию – здесь он воспитатель-творец. Облик учителя меняется!

Бесполезно сейчас говорить о мерах, какими будет пользоваться такой учитель. Они должны быть найдены в процессе практической работы. Но об одном стоит упомянуть.

Через что ещё учитель узнаёт стремления и интересы своих учеников, как не через опрос? Кроме того, нельзя допустить, чтобы дети уж совсем безответственно относились к тем знаниям, с какими их знакомят хотя бы через показ кинофильмов. Нельзя допустить, чтоб они росли с вялой, не развитой памятью, а память требует тренировки.

Проверка знаний, по всей вероятности, должна проходить как соревнование умов, соревнование памяти, а не основываться на категорическом требовании: знай всё без исключения. Проверка знаний через опросы останется, но останется ли в прежнем значении отметки?

Всё для того, чтобы ученик увлекался, как-то мог реализовать свои увлечения. Всё для того, чтобы он приобрёл цель своей жизни. У любого есть для этого возможности, но утверждать, что каждый приобретёт в стенах школы твёрдую цель, – утопия.

Тот, кто целеустремлён по своему характеру, по природным данным, – найдёт себя достаточно быстро. Кто не целеустремлён, – может метаться долгие годы, и предел этим метаниям зачастую установить нельзя. Отсюда вывод: школа не может ориентироваться на всех, иначе кого-то придётся держать на этом этапе обучения до весьма зрелого возраста. Семь-восемь лет – вот тот срок, который может выделить общество будущему гражданину для первоначальных поисков своей цели.

Значит, после семи-восьми лет обучения будут выходить ученики, нашедшие себя и не нашедшие.

А дальше?

Коротко о спецшколах

Разберём более простой случай: ученик нашёл себя, свою цель. Он навряд ли подготовлен к поступлению прямо в институт, хотя при новом обучении такие случаи и возможны. До института ему ещё надлежит учиться года два-три и, конечно, в школе, соответствующей его влечению.

У нас уже существуют школы, которые специализируются на преподавании какого-нибудь предмета: музыки, живописи, математики и т. п. В одни спецшколы – музыкальные, живописи – набирают учеников из начальных классов. Другие отбирают способных из старших

классов, например, физико-математические. В ряд спецшкол я бы поставил и малочисленные в нашей стране техникумы и училища, дающие законченное среднее образование. Правда, эти техникумы и училища не всегда-то рассчитывают на одарённость или даже на простое влечение. Приходи любой, сдавай экзамены по общим предметам, о специализации, о направлении твоей будущей профессии тебя не спросят. Предполагается, что ты, поступающий, не имеешь об этом никакого представления. Будешь учиться – узнаешь, чем это пахнет. Свидится – слюбится.

Другое дело, когда после семи-восьми лет обучения школьник как-то нашёл себя, он может выбрать своё призвание не наугад, он ищет определённую спецшколу, профиль которой соответствует его влечению.

Спецшколы, которые не являются чем-то принципиально новым, спецшколы, соответствующие уровню современных техникумов и училищ, – вот последующая ступень обучения.

Чтобы поступить в такую школу, ученик обязан сдать экзамен. Экзамен важен не только для проверки знаний, одарённости, степени увлечения, но и для того, чтобы государство имело возможность как-то регулировать количество нужных обществу специалистов. До сих пор ученик считался только со своими вкусами и желаниями, но эти желания далеко не всегда будут совпадать с общественными нуждами. Желаю стать историком, а историков на данном этапе в обществе достаточно, нужны специалисты-техники...

Безоговорочно считаться с желанием каждой отдельно взятой личности просто невозможно. И гражданину будущего придётся временами поступаться личными интересами в угоду общественным. Никакой школьной, ни даже государственной системой – будь она верх совершенства – не исключишь из жизни случаев разочарования, крушения надежд, неисполненных мечтаний. И поэтому часто и при новом обучении юношеские надежды будут разбиваться о неумолимую экзаменационную комиссию, отбирающую только лучших из лучших.

А куда денутся неудачники? И только ли неудачники?..

«Люби труд»

И тут-то мы должны разобрать случай – ученик не нашёл себя, свою цель. Куда ему идти? На производство? Но он и к производству не подготовлен, он не знает ни одной профессии, в лучшем случае может стать разнорабочим, пойти на неквалифицированный, грубый физический труд, которого со временем станет всё меньше и меньше.

Человек, не нашедший в школе ясной цели, не обязательно бездарен, напротив, он может быть разносторонне даровитым. Его нельзя считать изгоем в обществе, преступление отступать от него, отказывать в дальнейшей учёбе. Вполне возможно, что таких людей окажется подавляющее большинство.

Напрашивается вывод: необходимы школы с некоторым универсализмом, где ведущей дисциплиной является труд как таковой, труд с тем или иным уклоном, труд, призванный в воспитатели. Помимо разнообразных специализированных школ должны существовать и разнообразные производственные. Можно ожидать, что они станут самым массовым видом школ, дающих среднее образование.

Но здесь нам придётся поговорить о современном трудовом воспитании, о так называемой политехнизации.

Слов нет, чрезвычайно важно привить человеку любовь к труду. Но вот вопрос, как это сделать? Сунуть лопату в руки, сказать: «Копай. Люби труд»?

Просто любить труд ради самого труда, самого процесса? Труд ради труда, ковыряние лопатой ради ковыряния лопатой – бессмыслица.

Правда, иногда сам трудовой процесс может доставлять какое-то удовольствие: хорошему козцу приятно пройтись «играючи» с косой, приятно иногда, чувствуя силу и ловкость

в руках, колоть дрова, чтоб с хрустом лопались чурки под топором, со звоном отлетали поленья... Но если б человечество трудилось только ради удовольствия, то вряд ли оно сумело бы построить города, создать машины, одеть себя в ткани; до сих пор жило бы в пещерах, щеголяло в звериных шкурах. Копание лопатой не всегда-то доставляет наслаждение, скорей оно неприятно. Труд есть труд, и нельзя его фетишизировать. От него произошло слово «трудно», он очень часто тяжёл, утомителен до изнеможения.

Во фразе «Люби труд» есть что-то обывательски ограниченное, ханжеское, пришедшее к нам из морали эксплуататорских классов вместе с такими сентенциями, как «Возлюби ближнего своего». Скорей всего, фразу «Люби труд» придумали те, кто сами по настоящему никогда не трудились. Люди трудятся не из любви к труду, а из желания достичь этим трудом чего-то определённого, чего-то насущно полезного. Люди любят результат труда, его цель, трудятся, подчиняясь властному зову: «Нужно!»

Но вот этого-то властного зова и не испытывает современный ученик, приобщающийся к трудовому воспитанию. Его ставят у верстака или станка, а порой дают в руки лопату и заставляют делать примитивные табуреты, либо точить нехитрые детали, либо рыть картошку: «Учись работать, приобретай трудовые навыки!» Так учил в прежние времена мастер своего подмастерья, но подмастерье видел в этом всё же определённый смысл: «Научусь делать табуретки, буду зарабатывать кусок хлеба. Нужно!» Заветное «нужно» существовало. Теперь же ученик, равно как и учитель, в подавляющем большинстве случаев не считает, что умение делать табуретки станет в будущем его профессией. Казалось бы, табуретка о четырёх ножках – результат труда, самый вещественный. Но, как ни странно, эта табуретка, на которой можно сидеть, которой при нужде можно пользоваться, не имеет тем не менее практической ценности.

Сам ученик, его родители, его учитель в жизни пользуется более удобными и красивыми стульями, выпущенными мебельными фабриками, созданными руками рабочих-профессионалов. Табуретка не для продажи, да и вряд ли на неё отыщется покупатель, табуретка создаётся лишь для того, чтобы ученик приобрёл на ней трудовые навыки. Ради трудовых навыков, ради одного: «Полюби труд». Труд ради труда, ради процесса; оказывается, табуретка несёт в себе лишь мнимый результат. Эту мнимость, эту фальшь ученик не может не чувствовать.

Случается иногда, что школа приспособливает трудовую учёбу учеников под какие-то практические нужды, например, заставляет клеить картонные коробки, которые потом сдаются (или продаются) школой в торговые организации для упаковки товара. Кажется, тут-то результат труда налицо, но... не для школьников, а для неизвестных им торговых организаций или для хозяйственников школы, которые получают какую-то выгоду от продажи картонных коробок. Эта выгода может идти на пользу самим школьникам, но вся операция продажи, получения дохода, его реализации идёт за спиной школьников, в ней они не участвуют, могут знать о её существовании лишь понаслышке, короче – результата не видят. Право же, как ни горько это говорить, но понятие о результате своего труда у ученика примерно такое же, как у ветхозаветного батрака, работающего на хозяина. Пожалуй, батрак даже больше ощущал насущную необходимость своего труда, чем современный ученик, так как труд для батрака был источником существования, перестань он трудиться – хозяин выгонит в шею, он, батрак, умрёт с голоду. Над нашим учеником угроза нищеты и голода не висит – трудись ради навыков, люби труд. Больше шансов на то, что ученик, вместо того, чтобы полюбить такой бесцельный труд, возненавидит его вкупе с табуретками, унылыми картонными коробками и не менее унылыми наставлениями – «Возлюби труд».

Доход в роли педагога

Ученик вряд ли в будущем станет трудиться в одиночку, скорее всего он вольётся в какой-нибудь коллектив колхоза или завода, бригады строителей или транспортной организации, которые создают коллективные результаты труда – жилые здания, машины, центнеры хлеба...

Вспомним Макаренко. К сожалению, из этого талантливого педагога сделали парадную фигуру. А как часто парадную мишуру на выдающихся людей вешают те, кто хотел бы чужим блеском прикрыть собственную духовную серость. За спину Мичурина прятались подозрительные дельцы при биологии, порой за широкими плечами великого Павлова гнездились рутинёры-физиологи, некоторые театральные режиссёры прикрывали своё творческое бессилие именем Станиславского. Не избежал такой печальной участи и Макаренко.

Но вспомним его и зададим себе простой вопрос: почему ученики-макаренковцы охотно, даже с азартом убирали, скажем, грязную свёклу, ухаживали за свиньями? Эти ученики ещё недавно были испорчены беспризорщиной, они вовсе не видели смысла своей жизни в уборке свёклы или выгребании навоза, а мечтали стать инженерами, агрономами, врачами, красными командирами. И, тем не менее, работали с охотой, с азартом, отнюдь не из-под палки... Ясно, они чувствовали властный зов: «Нужно». Как, через что, какой силой Макаренко и его помощники заставили поверить их в этот зов?

Макаренко сделал одну важную вещь: сумел приобщить даже самого последнего колониста к результатам труда, к распределению дохода.

Доход – это слово напоминает нам скучные экономические выкладки. Но между этим бухгалтерским термином и понятием «жизнь» – прямая связь. Оттого, что заводы, обработанные поля, животноводческие фермы дают доход, появляются жилища, пища, машины, развиваются науки, рождаются высокие идеи и замыслы, расцветает искусство. Без прозаического дохода от прозаических предприятий не полетят в небо космические ракеты, художники не создадут новых Венер Милосских...

В колонии Макаренко текущие хозяйственные вопросы решал выборный Совет командиров. Наиболее важные вопросы выносились на общее собрание.

Чтобы что-то сделать по хозяйству, нужны какие-то средства. А откуда они возьмутся? Не с неба, не из кармана доброго дяди-мецената, а из доходов, добытых трудом. Решение хозяйственных вопросов во многом упирается в умение распределять доход.

Карл Маркс в «Критике Готской программы», разбивая лассалевский «неурезанный доход труда», раскрывает сложную сущность дохода. Каждый, кто с ним сталкивается, должен заранее учитывать и возмещение потреблённых средств, и выделение средств на расширение производства, на резервные фонды, на страховые фонды, на издержки управления, на удовлетворение чьих-то совместных потребностей – обучение, культурный досуг и т. п.

Это сухое перечисление говорит о том, что распределить доход непросто, нужно иметь опыт, навыки, нужно вглядываться, вдумываться, решать определённые хозяйственные задачи. Рядовой колонист колонии Макаренко в одиночку вряд ли бы справился с распределением дохода, он мог и не обладать достаточным опытом в организации хозяйства. Но этот колонист находился в коллективе, состоящем из опытных и неопытных, проницательных и непроницательных людей. Рядовой колонист вынужден был прислушиваться к тем, кто опытней его, учиться у них, словом, он как-то рос, развивался, совершенствовался. Распределение дохода стало вместе с тем и школой жизни.

Труд создал человека, он продолжает его совершенствовать и сейчас. Эту истину мы часто повторяем, но ещё чаще забываем, что порой вне поля деятельности рядового труженика остаётся самая важная, наиболее способствующая развитию человека часть трудового процесса – распределение дохода.

Колонист вместе со всеми решил: «Нужно сделать то-то!» Нужно! Сам дошёл до этой необходимости, сам приказал себе, и уж ради этого «нужно» он готов на всё – порой отказывается от новых штанов, готов делать самую грязную, самую непривлекательную работу – выгрести навоз, таскать на носилках свёклу. Нужно! Осознаю! Не приходится благопристойно напоминать: «Люби труд». Труд – целеустремлён, каждый предвидит его результат.

Если мы хотим, чтобы труд воспитывал, то обязаны не только славословить Макаренко, но и воспользоваться его опытом, привлекать к организации труда каждого ученика. Тогда сами школы должны представлять из себя автономные хозяйства с уклоном в какую-либо отрасль промышленности или сельского хозяйства. Эти школы должны иметь свой доход, распределение которого – посильный долг каждого ученика, ибо только через распределение дохода можно приобщиться к результатам труда, осознать его высокую необходимость.

Свобода есть осознанная необходимость. Осознать необходимость труда – значит почувствовать себя свободным от унижительного ига, от его тяжести, и тем острее испытать радость от тех результатов, которые несёт труд. Радость достигнутого – самая значительная из всех доступных человеку радостей. Не это ли называется – полюбить труд?

Кроме того, участие в распределении дохода заставляет думать, набираться опыта, приобретать практически нужные знания.

И это не всё. При коллективном распределении доходов происходит постоянное общение труженика с тружеником, волей-неволей приходится внимательно прислушиваться к мнению товарища по работе, считаться с его взглядами, принципами, вкусами. Коллективное распределение дохода неизбежно будет влиять на взаимопонимание, а, следовательно, на укрепление товарищества, что весьма важно для общества.

Вот что такое распределение дохода!

Узкая специализация и широкий кругозор

Государству только на первых порах придётся взять производственные школы на полное обеспечение, со временем они сами начнут поддерживать себя, экономически крепнуть, возможно, даже целиком перейдут на самообеспечение. Возможно, но доход, экономическая выгода не должна стать самоцелью. Школа есть школа, нельзя превращать её в доходное место. Доход для школы – лишь могучий способ воспитания.

Могучий, но не единственный. Огромное количество знаний нельзя приобрести через распределение дохода, им нужно обучать.

Школа – не доходное место, поэтому работа на производстве не должна занимать у школьника много времени. Он обязан отрабатывать каких-нибудь три часа в сутки, остальное должно быть отдано учёбе, спорту, досугу. Макаренко не единожды жаловался на производственную перегрузку своих коммунаров, считал, что это сильно мешает воспитанию.

Время для учёбы – в первую очередь. Ученик производственной школы уже не ребёнок, он вступил в пору юности, он работает, создаёт реальные ценности, распределяет доход, наверняка должен постоянно сталкиваться с тем, что не хватает знаний. Его ставят к станку, от него самого зависит – ограничиться ли минимумом, освоить станок, или же узнать и принцип его работы, теорию, с ним связанную, а значит – физику и математику на соответствующем уровне. И здесь тоже к его услугам специальные группы, где можно изучать под руководством педагога любые науки. От его способности, от его настойчивости зависит – выйдет ли он из школы со знаниями квалифицированного техника, для которого с охотой откроют двери институты, или же выйдет рабочим со средней квалификацией. Всё зависит от индивидуальных способностей, а способностям – широкая дорога.

Все усилия нового обучения направлены к тому, чтобы ученик вошёл в русло специальности. И тут невольно возникает опасение – не сделает ли такое обучение людей узкими и

ограниченными, а значит, духовно бедными? Тонкие специалисты в своей области, слепые и несведущие во всём остальном, вплоть до слепоты в социальном плане, в отношениях друг с другом. И недостаточно, что школа преподносит какие-то общеобразовательные знания, как-то расширяет кругозор. Не исключено, что ученик, охваченный стремлением к чему-то одному, будет снисходительно относиться ко всему, что прямо не затрагивает его интересов. Правда, распределение дохода заставляет считаться с интересами других. Но это же распределение не сможет привить, скажем, глубину ощущений и тонкость вкусов. А мы должны стремиться к тому, чтобы человек был совершенен во всём.

И тут-то опять обратимся к искусству. Мы уже говорили, что оно становится одним из помощников обучения, проводником знаний. Но искусство способно и на большее, чем увлекательно преподносит физику или химию.

Очень часто необходимо научить человека не тому, чего он не знает, а заставить его проникнуться тем очевидным, давно известным, что не принимается в расчёт. Сколько людей знают, что следует быть честным и принципиальным – знают, однако же, пренебрегают этим. Научные рассуждения о подлости, какими бы доказательными они ни были, вряд ли будут воздействовать так, как действует, к примеру, образ Иудушки Головлёва. Конечно, наивно думать, что с помощью искусства можно излечить мир от пороков, но не пользоваться искусством, его влиянием, его эмоциональной силой – значит, обкрадывать самих себя.

Если та или иная наука, будь то математика или физика, химия или биология, несёт в себе некую специфичность, не всем в одинаковой степени необходима, то искусство нужно в равной степени всем – и математику, и химику, и биологу. Нельзя жалеть время на искусство!

Но нужно помнить ещё, что там, где начинают искусство преподавать – преподавать как науку, – оно вянет. Слова добросовестного учителя: «Пушкин в образе Евгения Онегина показал представителя вырождающегося дворянского сословия...» – неизбежно убивают поэзию. А что важнее – эта ординарная информация или пушкинская поэзия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.